

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

По закону пиратской чести

*Твоя очередь
умереть*

Казанцев. Любовь в законе

Кирилл Казанцев

Твоя очередь умереть

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Твоя очередь умереть / К. Казанцев — «ЭКСМО»,
2013 — (Казанцев. Любовь в законе)

ISBN 978-5-699-66468-9

Максим Каверин, отсидевший на зоне по сфабрикованному делу о двойном убийстве, выходит на волю и возвращается в родной приморский город. Там он узнает, кто на самом деле совершил двойное убийство и подставил его. Это оказались продажные чиновники из администрации города. Максим намерен отомстить негодям. Уподобляясь пирату, он вместе с верными друзьями выходит в открытое море, где начинает брать на бордаж роскошные яхты своих обидчиков. Так к нему в заложницы попадает девушка Рита, племянница местного олигарха, которая, узнав о драматической судьбе Максима, объявляет о своем желании присоединиться к «пиратам»...

ISBN 978-5-699-66468-9

© Казанцев К., 2013

© ЭКСМО, 2013

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Кирилл Казанцев

Твоя очередь умереть

«Жить надо так, чтобы тебя надолго запомнили. Особенно всякая сволочь».

Ф. Раневская

Часть первая

Пунктирный луч прорезал небо, обернулся огненным шаром и с треском разлетелся на куски. Распустились еще два бутона, хлопнули – и разразилась вакханалия! Залпы следовали без остановок, расцветивая темнеющее небо. Трещало, хлопало, шипело! Мужчина раздраженно поморщился, заскрипело старенькое кресло. Он поднялся, бросив на тумбочку томик с повестями Пристли, подошел к окну. Неряшливый, сутулый, в домашней майке, очках на носу с горбинкой, напоминающей бородавку. Он перетащил очки на лоб, зацепив клоч шевелюры, всмотрелся в сумерки. Время детское – половина девятого, просто на юге темнеет рано. Салютовали за холмом, на краю Антоновской слободки – местного «района для богатых». Небо озярлось, словно на землю проливался метеоритный дождь. Масштабность зрелища впечатляла. Никаких официальных торжеств в черноморской Фиоленсии в этот день не проводилось. Просто приспичило кому-то из толстосумов...

Мужчина раздраженно задернул шторку. В малоэтажном районе, где он обитал, выбрасывать деньги в небо было не принято. Салют оборвался, и в дверь постучали. Мужчина вздрогнул.

Входная дверь находилась в двух шагах от кресла. За порогом колыхалась неясная тень – мужчина, рослый, со спортивным разворотом плеч. Отнюдь не женщина, которую он ожидал позднее. Посетитель помалкивал, его лицо скрывалось в полумраке. Хозяин скромного жилища в двухквартирном домике почувствовал сухость в горле.

– Э-э-м... – начал он, но посетитель перебил:

– Привет, Гришаня... – произнес он утробным голосом, и мужчина похолодел.

«Привет, Доцент», – чуть не вырвалось из пересохшего горла. Он натянул очки обратно на глаза, всмотрелся в полумрак.

– Ну все, нарисовалась полярная лисичка... – обреченно вымолвил он.

Посетитель шевельнулся, хозяин попятился, поволок за собой потрепанный коврик. Незнакомец шагнул через порог, обозрел без претензий декорированную обстановку: старенький кухонный гарнитур, кресло, письменный стол с немолодым компьютером, потрепанную книгу на тумбочке. Хозяин мялся, не зная, куда пристроить руки. Он потрясенно разглядывал мужчину, которому в школе давал списывать, а однажды чуть не подрался с ним из-за девчонки, которая явно того не стоила. Посетитель был еще молод, одет невзрачно. Ни капли жира, бесцветная кожа обтягивала острые скулы. Поблескивали голубые глаза – в полумраке они приобретали цвет «сухого асфальта». На плече висела полупустая сумка.

– Ну, здравствуй еще раз, Гришаня, – с расстановкой произнес гость. – Квельный ты какой-то, не рад, похоже... Приютишь на пару месяцев беглого зэка – ведь мы с тобой кореша по жизни, нет? Что-то ты к полу прилип, Гришаня. Точно не рад. Ну, давай, мечи на стол – имеется в этом доме чего на клюв бросить? Посидим, за жизнь нашу скорбную вспомним. Водочку доставай – плеснем под жабры птичьей водички.

– Так это... – растерялся Гришаня. – Нет у меня водочки – только винишко дешевое в холодильнике... Черт, подожди... – Он нервно задергался, засуетился. – Я через дорогу сбегая, там всегда есть...

– Ладно, расслабься, Фаткин. – Посетитель сменил тон, и глаза его лукаво заблестели. – Не будем становиться заложниками стереотипов. Ээки пьют не только водку. Слушай, Фаткин, – он засмеялся, – ты больше в церковь не ходи, ладно? Затеряешься среди икон. Посмотри на свой страдальческий лик. Шучу я, шуток не понимаешь? На понт беру. – Он шагнул к старинному приятелю, обнял его. Свалилось напряжение, Фаткин с шумом выпустил воздух.

– Максим, так и до кондрашки недолго... Слушай, – он опять забеспокоился, – а чего ты про побег-то говорил? Реально из зоны лыжи двинул? Тебе еще сидеть года четыре – проще дотерпеть...

– Шучу я, говорю же, – отмахнулся Максим. – Отпустили – по УДО за примерное поведение. Могу справку показать.

– Не нужна мне твоя справка. – Фаткин залился стыдливым румянцем. – Я же не мент – в твои справки вчитываться...

– И не отниму я два месяца твоей жизни, – успокоил Максим. – Посижу немного и пойду своей дорогой. Не смотри так, дружище – я все тот же, блатным не стал, по понятиям не живу. Хотя скрывать не буду – наложила зона отпечаток. Одиннадцать лет «полосатого режима» – не шутка... Но это не освобождает тебя от ответственности всё, что есть, нести на стол, – погрозил он пальцем, – и посидеть со старинным приятелем, который реально по всем вам соскучился. Держи. – Он вытащил из сумки бутылку дешевого кубанского вина. – Не большой я охотник до водочки, давай так, символично.

– Ну, слава богу, это ты... – успокоился Фаткин. Он стащил очки – стекла запотели от волнения, протер их застиранной майкой. – Проходи, садись, сейчас сообразим. Но сразу предупреждаю – разносолов в этом доме не держат. «Все, что есть» – это овощные и бобовые культуры, сок из свежих... сухофруктов, гм.

– То есть деньги для тебя ничто, – улыбнулся Максим.

– Ничто, – согласился Фаткин. – Особенно в том количестве, что у меня есть. Девиз придумал: денег не было, денег нет, денег не будет никогда. Я по-прежнему, – он удрученно развел руками, – мальчик из малобюджетной еврейской семьи. Урод, так сказать, в дружной семье своего народа. Временами сомневаюсь – может, я не еврей? Может, меня обманули?

– А кто? – удивился Максим.

– Ну, не знаю... Может, скрытый араб? У мамы не спросишь, у папы – тем более... Ты присаживайся, не маячь, сейчас сообразю. Рассказывай, где сидел?

– В Сибири, – удивился Максим.

– Сибирь – понятие растяжимое...

Максим невесело рассмеялся:

– Ты даже не представляешь, какое растяжимое. Есть страна такая – Якмундия. Для непосвященных – Якутия. Там имеется речка с красивым названием Лена. Если двинуть от Лены на восток по 65-й параллели, желательнее вертолетом – немного, всего каких-то пару тысяч верст...

Они сидели за ободраным столом, Максим жевал какой-то силос, запивал подслащенной водичкой с незначительными градусами. Он тихо повествовал о бесцельно прожитых годах – как приехал «к дяде на поруки», как учился выживать. Фаткин подливал, кивал, слушал. Оба сильно изменились. Максим отвердел, раздался в плечах. Запали глаза, в коротких русых волосах поблескивали капельки седины. Бывший «ботаник» Фаткин (способный, впрочем, на шальные поступки и не всегда ладящий с головой) превращался во что-то незаметное, никому не нужное. Жизнь согнула, потухли глаза, по лицу блуждала виноватая улыбочка. Впрочем, чувство самоиронии он не утратил.

– Вот так и процветаем, Максим. Ничего не меняется, юношеская дурь переходит в старческий маразм. Не смотри на эту мебель, финансовый кризис, так сказать... – Он зарумянился и пошутил: – Решил закрыть все свои счета на Кипре... Знаю, ты рассчитывал увидеть другое...

– Не грузись, – поморщился Максим. – Не ты один. Бобылем живешь?

– Развелся, – вздохнул Фаткин. – В 2009-м от Рождества Христова. Бывшая жена меня прокляла – так и заявила после визита к местной черной колдунье. Кучу денег извела, чтобы сделать мне гадость. Может, и впрямь прокляла? – Фаткин задумчиво покарябал горбатый «рубильник». – Судя по тому, как процветают мои дела...

– Район не самый благополучный, – согласился Максим. – Страшно вато тут ходить. Овраги, свалки...

– Рай для нищих и шутов, – кивнул Фаткин. – Жена оттяпала хороший дом на улице Пескарева и половину дела. Бизнес загнулся через полгода, приехали крутые ребята, даже деньги из оборота не дали вытащить... Работаю сторожем в супермаркете на Обручальной, две ночи сплю дома, третью – на работе. Это скучно, Максим. С перспективой полный ноль.

– Женщины?

– Да ходит тут одна... Копия предыдущей, только годом выпуска посвежее. – Фаткин оскалился, продемонстрировав на удивление здоровые зубы. – С бабами проблем нет, Максим. Это у них проблемы с бабами, – он кивнул на стенку. – У соседей. Два сорокалетних лба, атипичная сексуальная ориентация. Наградил же бог соседями... В спальне перегородка тонкая, только лягу, так эти двое начинают любить друг дружку, приходится тазик под кровать ставить, чтобы к унитазу не бегать... А Екатерине нравится – заводит это ее. В гости напросилась, познакомилась, торт им испекла – да чтоб мою еврейскую маму... – Максим плеснул в стакан, и Фаткин залпом выпил.

– Что в городе?

– Безрадостно, Максим... Ну, как, безрадостно, – смутился Григорий. – Фиоленсия цветет и пахнет – особенно в разгар курортного сезона. Отдыхающих – прорва. Пока тебя не было, отели выросли, пляжи – по всему побережью. Сочи теперь большая стройка, вот народ и валит в Фиоленсию – не протолкнуться в высокий сезон. Побережье засижено километров на шесть – мышшь не проскочит. В курортных зонах красота и порядок, Европа отдыхает. Богатеи едут в Фиоленсию косяками – одни на отдых, другие недвижимость тут покупают. В городе несколько яхт-клубов, ты бы видел, на каких красавицах плавают толстосумы... В центре нарядные улицы, новые дома. А на окраинах без перемен – глушь, дороги не ремонтируют, безработица ужасная. Промышленности практически не осталось, население – а это без малого сорок тысяч – призвано обслуживать богатеньких отдыхающих. Прислуга, охрана, водители, уборщики... Конкуренция жуткая, народ согласен пахать за копейки. Вот скажи, такое возможно в любом северном городе? Власти жируют, ничего не боятся. Полиция – ручная, прокуратура – своя, волосатые лапы в Краснодаре, в Белокаменной. Бешеные бабки отмываются и пропадают! Мэр Колыванов ворует, не стесняясь, как и вся его рать. Полиция крышует подпольные казино, публичные дома, любой бизнес – если сможешь заплатить. Самые надежные крыши теперь – у них. Никакой анархии, все под контролем... Слушай, – смутился Фаткин, – я в курсе, что твои родители умерли... Мы с пацанами раз в полгода их могилки навещаем, чистим, поминаем. Родаки у тебя мировые были...

– Спасибо, – кивнул Максим. – Вчера вернулся в город – первым делом на погост. Потом домой побрел, а там... – Скулы Максима побелели.

– Ты не знал? – помрачнел Фаткин.

– Откуда? Теперь знаю. Дом выкуплен финансово-инвестиционным фондом «Лувр» у банка «Моркредит», которому тот достался за родительские долги. Дом прибрали после их кончины. Сейчас там обитает молодая семья, главе которой я чуть челюсть не разбил. Пред-

ставляешь – прихожу к себе домой, а там... Какие-то киндеры под ногами шныряют, мебель незнакомая, в бумагах – полная видимость законности...

– Кто сильный – у того и видимость, – хмыкнул Фаткин. – Стало быть, ты бомж. Да еще без денег.

– Только не сочувствуй, – поморщился Максим. – Терпеть этого не могу. Справлюсь.

– У сестры уже был?

– Дважды к Светке заходил, – буркнул Максим. – Бился в дверь, не открывает. Блуждает где-то моя сестрица.

– Ты слышал, что она пустилась во все тяжкие?

– Слышал... – Максим побледнел.

– Слухи верны, – Фаткин потупился. – На парапет подалась твоя сестренка, плохи у нее дела. Пьет, балуется наркотиками средней тяжести... Работала официанткой в «Райском уголке» вместе с нашей Бобышкой, так уволили за систематические прогулы. Трудно Светку винить, если жизнь вокруг такая... Алену видел?

– Нет еще, – скрипнул зубами Максим. – Боюсь заходить. Ладно, замнем.

– Замнем, – кашлянул Фаткин. – Не заходи к ней, не стоит. Не бери старые раны. В городе баб хватает – и страшных, и не очень, найдешь себе. Ведь не бывает страшных баб после зоны? – подмигнул приятель. – Ладно, прости, не сердись.

– Замнем, говорю, – Максим нахмурился. – Как там наша дружная компания?

Фаткин долго вздыхал, хмурился, буркнул в ответ на нетерпеливый жест:

– Вопрос понял, над ответом размышляю... Развалилась наша дружная компания, Максим. С иными видимся, но уже без прежнего удовольствия. Борька Разумовский в Штаты уехал – держит ранчо в Калифорнии. Вечно недоволен, ворчит, но он один из нашей компании, кому хоть что-то обломилось... Стрижевой погиб лет восемь назад – приобрел новый катер, и в тот же день его под винт затянуло, жалко парня до слез... Угрюмый на зоне отмотал четыре года, вернулся в 2011-м – веселый, приبلатненный. Строит из себя забубенного блатаря, но фактически безвредный. Бухарика скребанул – если по фене. А бухарик оказался непростой – в общем, менты постарались, закрыли Угрюмого. Здесь он корабли ремонтирует – он же по жизни отличный механик... Коля Селин – наша дылда стоеросовая – нынче пляжный работник, трудится на Белых Песках за Вороньей Горкой, чистит песок, носит пиво отдыхающим, получает тумачков от хозяина... Бобышка – то бишь Верка Верещагина – трудится официанткой в «Райском уголке». Бойкая баба, похорошела, уже не рыхлая – наоборот, за словом в карман не лезет. Дерется, как профессиональный боксер. – Фаткин усмехнулся. – Недавно после работы двое оборотов поиграться с ней вздумали, в кусты затащили – так она их так отдубасила, что им еще долго бюллетенить... Макар Глуховец в том же заведении работает – продукты возит на микроавтобусе, мрачный стал... С личной жизнью у всех не сложилось. Про меня ты знаешь... Угрюмый периодически с кем-то сходится, потом бежит в вендиспансер – проверяться. Коляша Селин бобылем живет с матерью – ни денег у парня, ни внешности, ни жилья толком. Божится, что ему не нужен никто, но это вранье... Бобышка замуж вышла через год после твоей посадки. Не повезло – полгода не прожили, как мужик на мотоцикле разбился. Оправилась, повеселела, но больше никого не нашла... Макар развелся в 2008-м – был большой судебный скандал с «распиливанием» ребенка. Жена – гулящая, мужик – положительный, но наши суды всегда «по умолчанию» на бабьей стороне – и укатила с чадом на Дальний Восток. Теперь он сына родного не может увидеть. Туда слетать – тысяч сорок, а у него зарплата – двенадцать, а еще сестре-инвалидке с двумя короедами помогать надо... Так что грустно в райском местечке, Максим. Отдыхать тут надо, а не жить. Хотя, возможно, сами виноваты, крутиться надо было в этой жизни. А сейчас уж поздно локти грызть, ничего не изменишь...

Фаткин огорченно потряс пустую бутылку:

– Тебе есть куда пойти?

– Придумаю, – улыбнулся Максим.

– Нечего тут думать, оставайся у меня, – проворчал Фаткин. – Кровать имеется, кресло старое, но раздвижное. Живи, сколько хочешь, денег не возьму...

Он вздрогнул от стука в дверь. Испуганно уставился на погрустневшего товарища, глянул на старые наручные часы:

– Че-ерт... Маринка пришла, совсем про нее забыл... Слушай, я сейчас ее отошью... – занервничал Фаткин. – Потерпит, завтра придет, не каждый день друзья из Сибири приезжают...

– Не вздумай, – Максим поднялся. – Раз пришла в твою глухомань – значит, нужен ты ей. Все в порядке, Гришаня, увидимся, уйду через окно.

– Подожди, – жалобно сказал Фаткин, когда Максим занес ногу над подоконником (проще перешагнуть, чем перелезть). Его приятель, мятый, расстроенный, мялся посреди комнаты и искал карманы там, где их не было.

– Жду, – вздохнул Максим.

– Почему так случилось? – жалобно протянул приятель. – Ну, тогда, одиннадцать лет назад... Зачем ты убил мужиков? Понимаю – был расстроен, поило оказалось паленым... но ЗАЧЕМ? Сдержался бы – и жил бы сейчас со своей Аленкой... Ты понимаешь, что не только себе жизнь сломал – всем нам?..

Максим не ответил, только побледнел, скрипнул зубами и шагнул через подоконник.

На стук открыли – хотя и не сразу. Наконец-то! Неверные шаги, что-то покатилося, вырвался матерок. Скрипнула дверь, и на пороге объявилась призрачная фигура – в короткой сорочке, со спутанными волосами. От дамы исходил устойчивый сивушный запах. Царила тьма. Он прекрасно понимал, кто стоит перед ним, а она – нет. Она вообще ничего не понимала – странно, что проснулась.

– Во, блин, ночь уже... – обнаружила дама. – Кто тут девушкам спать не дает? – Она всмотрелась, полюбовалась мутным пятном, заменяющим лицо. Максим угрюмо молчал. – Ты кто, мужик? – прохрипела женщина, подъезжая ближе. – Еще один клиент? Что-то я тебя не помню... Ты немой, нет? В смысле, этот... слабоговорящий... – Дама пьяненько захихикала. – А у меня уже спит один... Накладочка, упс, недоглядели... Напился, гад, уснул, а утром будет претензии предъявлять за оказание некачественных услуг... Устала я сегодня, – призналась женщина, хватаясь за косяк. – Под фонограмму работала с этим боровом... – И снова залилась смешком, пошатнулась, схватилась за Максима. – Только не надо меня уговаривать, я и так соглашусь... Проходи, родной, чего стоишь, словно первый раз на свет родился?

Она затащила Максима в прихожую, где пахло потом, носками, окурками. Он не сказал ни слова, окаменел.

– А у тебя удачные форматы, дружок... – оценила его плечи женщина. Стала щупать ниже. – А здесь у нас что?..

Он стряхнул ее руку.

– Во как... – удивилась дама. – Нет смысла искать... даже если найду? Такой маленький рейтинг?

«Нормальный рейтинг», – подумал Максим. По ходу отсидки он был умерен в сексе, но чтобы с собственной сестрой...

– Ладно, пойдем. – Она потянула его за рукав. – Разберемся с твоими аксес... суарами. Пошли, говорю, сегодня скидка, дешевле только дома... На кухню иди, да тише, а то этот боров проснется... Угощу тебя выпивкой, потом заплатишь за нее...

По дому разносился молодецкий храп. Кухня оказалась меньше прихожей, заняться сексом тут можно было только на столе. Она включила лампочку, забралась в аварийно

накренившийся шкаф. Максим пристроился между пеналом и столом, с ужасом разглядывал обстановку. Сестрица опустилась донельзя. Сидеть на этой кухне было невозможно. Грязь, запустение, здесь даже холодильника не было! Она вернулась с двумя стаканами и бутылкой отвратного виски, села на диванчик, придвинутый к столу. Она ни разу не посмотрела ему в глаза! Наполнила стаканы дрожащей рукой. У Светки сохранилась фигура, лицо, волосы. Она могла бы быть красавицей, если бы не эта подлая жизнь! Бледная, как спирохета, волосы пучками. Следов от укулов видно не было, значит, сидела на чем-то «легком», еще не поздно вытащить сестрицу из дерьма. Она ведь младше Максима на три года, ей нет еще и тридцати!

– Держи. – Она подтолкнула стакан. – Я должна, дружок... я обязана выпить, раз ты меня разбудил...

Он не мешал. Светка влила в себя дозу яда, отдышалась. В глазах блеснула чуточка разума. Свершилось – она глубоко вздохнула и подняла когда-то красивые глаза.

– Чего не пьешь? – Она осеклась, стала озадаченно продавливать пальцем поперечную канавку на лбу.

– Светка, ну ты даешь, – вздохнул Максим. – Ты уже не зависишь от реальности...

– Убиться веником... – Она взялась за горло, надрывно закашлялась, потом уставилась на него со страхом, стала зачем-то себя ошупывать. – Ты не горячка?.. В смысле, белая?

А потом ревела белугой, он пытался ее вразумить, наставить на путь – хотя сам в этом пути немного смыслил. Она хрипела, что ее жизнь – это карма, а отнюдь не череда привычек и пороков. Скончались родители, уплыл дом – и ее понесло, хорошо хоть данная хибара сохранилась после череды сомнительных сделок с недвижимостью... Она так рада видеть братика – хотя не совсем понимает, откуда он взялся. Но за это надо выпить... Она схватилась за стакан, он не дал, и это вызвало новую лавину критики и порицаний. Она срывалась в истерику, потом делалась шелковой. Он гладил ее по сальным волосам, бормотал какие-то слова. Взял за плечи, стал проникновенно всматриваться в опухшее личико.

– Не смотри на меня... – бормотала сестра. – Я почти не изменилась, я такая же, на восемьдесят процентов состою из воды... или из чего я там состою...

– Откуда шрам на виске, Светка?

– На память подарили...

– Кто?

– Не помню...

– Работать не пробовала?

– Я рабо-отаю...

– Я вижу. – Он встряхнул ее. – Ты работаешь. Дни и ночи у мартеновских печей. Хватит, Светка, будешь завязывать. Независимо от желания.

Реакция на изречение последовала незамедлительно. Она подпрыгнула – пугающая смена настроения! – взбесилась. Он тоже вскочил, чтобы взять ее за руки – ведь дура, может и ножом пырнуть! За ним подпрыгнул стул – разразился грохот, треск! Оба невольно застыли.

– Эй, ты там, сдурела?! – хрипло взвыл «заспанец» в Светкиной спальне. Заныли пружины, заворочалось грузное туловище, и снова раздался чудовищный храп.

– Ну, всё, – стиснув кулаки, пообещал Максим. – Сейчас я ему чердак отшлифую и из дома выброшу.

Он бы так и сделал! Шагнул в проем, но Светка уже висела на нем, лупила по заднице коленками! Еще и горло сдавила! Пришлось вернуться, отдышаться и выслушать ее «железные» аргументы.

– Максим, ты спятил... – Она трезвела от испуга, шипела, как змея. – Ты дурак и не лечишься! Ну, вышвырнишь ты его из дома, и что? Нас обоих по стенке размажут... Откуда ты взялся, братец ненаглядный? С зоны вернулся, храбрость девать некуда? Можешь увезти меня за тридевять земель, поселить в безопасном месте, окружить заботой? За сестренку горой, твою

мать... Деньги есть, связи, армия правильных пацанов, чтобы это сделать? Прикупил роскошный особняк, где поселишь нас обоих? Кто ты такой, братец, что обо мне знаешь? Я в последний раз тебя в семнадцать лет видела, я с трудом тебя помню... Этот кабан, что храпит в моей спальне, капитан полиции, работает в уголовном розыске, двоюродный брат жены Мишарина – начальника тутошной полиции... Ну, нравится ему меня трахать, кто ему запретит? И плевать он хотел, что в этом доме полный срач! Не такой уж он противный, если присмотреться... Выгонишь его из дома, а завтра тебя прикончат, а меня за решетку упрячут, и все менты района будут иметь меня во все отверстия. Этого хочешь? Не лезь в мою жизнь, братец, это моя жизнь, не твоя, ты в ней ни черта не смыслишь... И вообще, гребни отсюда, пока не огреб, понял?

Он пытался под ее напором. А Светка вдруг ринулась к столу, схватила бутылку, стала жадно пить, запрокинув голову. Он дернулся, чтобы выбить у нее отраву... и встал, сраженный простой мыслью: ЗАЧЕМ? Только хуже сделает. А Светка подавилась, стала икать. Взгляд осоловел, много ли надо завзятой алкогольке? Он подхватил их обоих – сестрицу и бутылку, доволлок до обшарпанного дивана. Она спала, свернувшись зародышем. А он стоял над ней, как над телом скоропостижно скончавшейся родственницы. Материл себя, но понимал, что Светка права: не стоит доламывать чужую неудавшуюся жизнь. Кто он такой в этом городе? Он НИКТО, и зовут его НИКАК, кончился хороший парень по имени Максим Каверин...

Он очнулся где-то под скалой за пределами города – помятый, покусанный местными насекомыми. Ночью было холодно, невзирая на июль. Он просыпался, разогревал себя упражнениями, снова засыпал, убаюканный шорохом прибоя. А только солнце выбралось из-за горы над головой, он покинул нору и побежал греться на солнышко. И сразу стало жарко, спина вспотела. Черное море – благословенный Карадениз – плескалось под ногами. Мягкие волны набегали на пляж, с утробным шипением таяла пена. Вода струилась по блестящим камешкам, сливалась обратно в море. Чернели каменные острова, казалось, что они покачиваются на волнах. Безбрежная масса воды распростерлась до горизонта – ее уже расцветчивало взошедшее светило. В прибрежных водах – бирюза, а дальше, до бесконечности – глубокий насыщенный ультрамарин... Он скинул с себя одежду и в одних трусах, обжигая пятки о камни, вошел в воду. Дно уплыло – он нырнул, всплыл через несколько метров, подался к горизонту упругими размашистыми гребками. Организм отходил от «вчерашнего» – пронзительная душевная боль сменялась тупой, тихо ноющей. У горизонта делать было нечего, он подался обратно, выбрался из воды и несколько минут обсыхал, подставляя торс приятному ветерку. Ленточку пляжа подпирали «обугленные» скалы. Слева каменный мыс, заваленный булыжниками. Справа под горой палатка – молодежь отдыхала «дикарями». Ночью он сослепу чуть не въехал в нее. Выбежала блондинка в небесно-голубом купальнике, шлепая тапочками, добежала до воды и стала проверять ее температуру. Покосилась на Максима, улыбнулась. Он скорчил что-то похожее на улыбку. За палаткой, в обширной шестикилометровой бухте, распростерлась Фиоленсия. Со стороны этот город производил впечатление. Шумный рай на земле, бурлящая туристическая Мекка. Выделялись силуэты высотных гостиниц, горные террасы, на которых громоздились здания. Все пространство Жемчужной бухты было испещрено белыми точками – словно чайки расселись на воде: всевозможные суда – от роскошных круизных яхт до мелких катеров и хлипких ботов и вельботов. Вот уж действительно – рай на земле...

Он оделся, забросил сумку на плечо и зашагал по хрустящей гальке в город. Снова улыбнулась блондинка. Он смерил ее оценивающим взглядом. Всё на месте – можно вымучить повторную улыбку.

– Ты чего на мою девушку пялишься, козел? – гаркнули в спину. Максим вздохнул, покосилась через плечо. Ничего особенного, молодой качок в купальных плавках – вылез из палатки, ему что-то не понравилось. Максим не стал останавливаться.

– Я кому говорю? – рявкнул качок.

– Максим, не связывайся, – пискнула блондинка. – Чего ты, в самом деле...

Тезка, стало быть. Хрустела галька – качок, уязвленный невниманием к своей персоне, спешил разобраться:

– А ну, стоять! Ты что, такой бурый?

Максим раздраженно повернулся. И юноша встал как вкопанный, когда его взгляд скрестился с тяжелым, уничтожающим взглядом мужчины, который шел и никого не трогал. Качок стушевался, закусил губу. Не выдержал надрывного взгляда, попятился, сплюнул:

– Да и черт с тобой, живи... – И неуверенно двинул прочь. И снова улыбалась блондинка – теперь уже удивленно, с интересом. Ох уж это яблоко раздора...

Утро разгоралось. Он пересек границу городской черты, смешался с людьми, выходящими на берег. Он брел по южному городскому пляжу, прозванному «Белыми Песками» – хотя логичнее было бы назвать «Привозными песками». Обходил зонтики, шезлонги, бронзовые и неприлично белые обнаженные тела. Персонал еще копался: кто-то уносил корзины с мусором, кто-то разравнивал песок специальными пляжными «граблями». Он увидел знакомую фигуру и встал в нерешительности. Долговязый парень в полосатых шортах совершал массу ненужных движений. Коля Селин – точно, Фаткин говорил, что он работает на Белых Песках! Коляша почти не изменился – простой, угреватый, с дурашливой улыбочкой. Он суетливо раскрывал сложенные на ночь зонты, наступил кому-то на ногу, принялся дико извиняться в ответ на матерок. Его окликнули – глава семейства из трех человек просил переставить шезлонги поближе к морю. Коля кинулся исполнять, подтаскивал лежаки к воде, опрокинул пластмассовый столик, на который кто-то выставил бутылку с минералкой...

Окликнуть товарища Максим не успел. Из огороженного кафе на краю пляжа выбрался пузатый тип в панамке и недовольно крикнул:

– Коляша, ты чего там возишься? А ну, бегом! Машина пришла – мне разгружать!

И школьный товарищ засуетился, бросил свои шезлонги, побрел, увязая в песке. Максим поморщился – типа в панамке он тоже знал. Этот гаденыш учился в параллельном классе и частенько летал на Колиных пинках. Настало время поквитаться за детские обиды? Дальше проход был закрыт, начинались частные владения. Он поднялся поперек «течения» на Морской бульвар, заросший липами и каштанами, двинулся по набережной. Он не узнавал свой город, здесь все изменилось. Новые дома, роскошные кабаки, которых раньше не было. На причале у эллинга – весь модельный ряд: парусные, моторные, парусно-моторные яхты... Город уплотнился, он шумел, как восточный базар. Давился транспорт. На улицах Канатной и Корабельной, пересекающих бульвар, образовались заторы, гудели машины. По набережной, засаженой пальмами в кадучках, сновали толпы отдыхающих. В этом городе ничего не стоило заблудиться и потеряться...

Он прошел сквозь муравейник. Каменистый пляж на северной стороне не пользовался популярностью. Нашел небольшое кафе, цены в котором с натяжкой тянули на демократичные. В кармане осталось две тысячи рублей. Ни жилья, ни работы, ни одежды... Организм просил нормальной пищи. Он заказал на двести рублей омлет, пару бутербродов, чашку теплого кофе и уединился у дальней загородки. Жевал, смотрел на ласковое море, от которого щемило сердце, и память неудержимо катилась в начало двадцать первого века...

Вот это жизнь была! Коммерсанты, выжившие в девяностых, поднимались, делались уважаемыми господами. Фиоленсия уже тогда становилась привлекательным местом – эдаким мини-Сочи со всеми удовольствиями и умеренными (пока) ценами. Но бизнес Каверина в ту пору мало увлекал. Окончив школу, он поступил в Краснодарский кооперативный институт, но быстро сдался. Не стал балансировать между армией и высшим образованием, пришел в военкомат, получил «ценный подарок» – и поехал в морскую пехоту. Два года, от звонка до звонка, гордись, Родина! Вернулся, такой красивый, в уделанной парадке, сияющий, как Гагарин. Все девчонки просто сдохли. Даже та, Аленка Воронцова, в которую он был влюб-

лен без памяти, – и она не устояла. Девушка похорошела, стала писаной красавицей. Как увидели друг друга – так обомлели... А ведь уверяла, что он ей не нужен, ждать не будет, пусть не обольщается и не тешит себя надеждами. А ведь дождалась... Этот год был самым счастливым в его набирающей обороты жизни. Они любили друг друга – у всех на глазах, скрывать было нечего. Практически не расставались, всюду были вместе. Лазили по горам, уплывали на живописные острова, где учили друг дружку премудростям секса и любви. Даже уместную шутку придумали: «До свадьбы ни-ни»... Он предложил Алене замуж – она испугалась и замкнулась. Предложил еще раз – в уютной романтической обстановке. Были слезы, неуместные отговорки. В «третьем чтении» идея прижилась и стала обрастать конкретикой. «Какое мыло...» – бормотал лучший друг Фаткин. И начинал философствовать: дескать, Максим ошибается, мечту нельзя осуществлять! Мечту нужно мечтать! «Других не будет, Фаткин, эта девушка – сильнодействующее вещество, она мне очень дорога», – возражал Максим. «Так найди подешевле», – хохотал приятель.

Даже с бизнесом в те годы что-то получалось! Пахать на государство было глупо, Максим крутился. Продавал одно, покупал другое – под негласным покровительством отца стал владельцем туристических бунгало. Он мечтал о разрастании бизнеса, придумал название для своего мифического гостиничного комплекса: «Каверин и два капитана», что вездесущий Фаткин немедленно обозвал «брендом сивой кобылы». С ним работали школьные товарищи, было весело и увлекательно. С каким размахом отмечали приобретение первого навороченного внедорожника: море шампанского, топили в бухте визжащих девчонок (и Алenu тоже), дружно скандировали: «Джип-джип-ура!!!»

Все оборвалось через год. У Максима были прекрасные отношения с будущей тещей, а вот с тестем как-то не сложилось. Владимир Михайлович Воронцов был известным в городе предпринимателем – не бандитом, пользовался уважением у людей. Всего добился сам – без протекции криминальных структур. Он владел двумя гостиницами у Золотого пляжа – в самом центре – и несколькими пансионатами, разбросанными на побережье. Сдержанный, интеллигентный – он не был похож на местных воротил, уже тогда обраставших жирком. Был приветлив с Максимом, но всякий раз, когда его видел, становился каким-то задумчивым. А однажды пригласил на рыбалку, где и разразился кошмар...

Их было трое: Максим, отец Алены и его брат Федор Михайлович – смешливый мужичонка с брюшком, помогавший Владимиру Михайловичу во всех его начинаниях. Максим догадывался, что отец Алены хочет поговорить, высказать свою позицию по «интересному» вопросу, а рыбалка – лишь повод. Небольшая одномачтовая шхуна, открытое море в нескольких милях от берега, ни одной живой души... Федор Михайлович не вмешивался – забрасывал спиннинг с кормы, попивал пиво и был доволен жизнью. Поначалу действительно порыбачили, потом выпили. Потом еще выпили. Кто же знал, что ром, привезенный с Маврикия, окажется такой бурдой! Всякое случалось – невозможно проследить эволюцию напитка, даже если покупаешь его в дорогом магазине. «Поговорить с тобой хочу, Максим», – сдержанно сказал Владимир Михайлович, разливая по походным кружкам. Они сидели на палубе, кричали чайки, восторгался Федор Михайлович, поймавший отменного морского окуня. А Владимир Михайлович нес полную дичь, в это невозможно было поверить! Максим хороший парень, ничего личного, но тут такое дело... В общем, Алене подыскали другую партию. Молодой человек, из приличной семьи, с его отцом у Владимира Михайловича прочные деловые связи. И чего греха таить, он намерен эти связи укрепить еще больше. Он понимает, что любовь, все такое, но тем не менее. Он должен понять и отступить от Алены, прекратить с ней всякие отношения. Тут завязан большой бизнес, с этим лучше не спорить. Он просто хочет, чтобы все было мирно, без скандалов...

Разум помутился от такой несправедливости. Да еще бодряное пойло, от которого он превратился в дерганого дурака! Он что-то доказывал Владимиру Михайловичу, напоминал,

что крепостное право отменили, девушки сами решают, с кем им жить. Разве он не видит, как счастлива с Максимом его дочь? Потом он горячился, кричал. Владимир Михайлович смущенно усмехался, предлагал еще выпить, приглушить накал страстей. Но, как ни грустно, вопрос решен. Алена пока не знает, но через неделю за ней приедут из Туапсе... Максим должен понять, в какой безвыходной ситуации оказался Владимир Михайлович... Дурь ударила кувалдой! Он носился по палубе, что-то орал. В ответ на едкое замечание бросился на собеседника с кулаками! Возмутился Федор Михайлович, кинулся их разнимать. Вадим смутно помнил, как в руке оказался нож, которым он резал леску...

Дальше память отказывалась сотрудничать. Он просто отключился. Очнулся через несколько часов, голова трещала, под носом собственная рвота. Шхуна находилась всё там же. «Все могло быть гораздо хуже», – с надеждой подумал Максим. «Еще будет», – подсказал внутренний голос. Он повернулся и обнаружил два окровавленных, изувеченных тела! Их убили с нечеловеческой жестокостью, буквально искромсали ножом! А в ключице Федора Михайловича, которого он, видимо, прикончил последним, все еще торчал всаженный по рукоятку нож...

Он метался по палубе, не мог поверить, что сделал это. Но все воспоминания свидетельствовали против него. Он выл, не знал, за что хвататься. Мелькнула подлая мысль избавиться от тел – выбросить в море, вымыть палубу. Но что бы это изменило? Люди видели, как трое мужчин ушли на шхуне. Прикинуться таким же пострадавшим? Свалить на неведомых пиратов, атаковавших шхуну? Но это глупо, все понятно невооруженным глазом... Его тошнило, паника накатывалась волнами. А потом он внезапно успокоился, извлек из сумки Владимира Михайловича телефон, позвонил в милицию – благо сотовая связь в прибрежных водах уже была... А когда примчались люди на катерах, он ни на что не реагировал. Сидел на борту, свесив ножки, что-то мурлыкал...

Экспертиза признала его вменяемым. Повеситься не удалось – прибежали надзиратели и хорошо поколотили. В одиночную камеру, где его держали до суда, явилась бледная, как моль, Алена, плюнула в лицо и сказала, что проклинает его. Город возмущенно гудел – а ведь этот парень представлялся таким порядочным! Друзья не оставили в беде – приходили в тюрьму, отчаянно смущались, не могли понять, как такое произошло! «Мы найдем тебе хорошего адвоката», – уверял Макар Глуховец. Толку от этого адвоката? Все улики, все обстоятельства указывали на то, что злодеяние совершил Максим. Кто еще? Он сам не возражал, не запирался, не пытался выдумать себе оправдание. Валишь на паленый ром и расстроенные чувства? За это и недели не скостят. Да и не требовал он к себе снисхождения. Равнодушным стал, в кокон забрался...

Четырнадцать лет за двойное убийство оказались, впрочем, щадящим вариантом. На зоне в глубине якутских руд правили бал блатные. «Мужичья» секция была немногочисленной, но и в ней он не прижился. «Один на льдине», – говорили про таких на зоне. Сам на сам. Независимый, не примыкающий ни к каким группировкам, презрительно относящийся к блатным, не выносящий активистов. Он кулаками и сломанными ребрами отстаивал свое право на существование. Несколько раз висел на волоске, но выбирался, лечился в лазарете, неделями сидел в карцере. Пересылка на другую зону, смягчение режима до «общего», и появилась химерическая надежда на УДО по отбытии двух третей срока. Про него уже ходила молва по зонам, что этого парня лучше не трогать: он вроде тихий, но если наступишь ему на мозоль, то лучше сразу молись...

Он не мог уже об этом думать. Годы наслаивались, превращались в муторную волокушу. Он смотрел на море и не замечал, что кофе давно остыл.

– И чего ты скис? – пробормотал Максим, выбираясь из оцепенения. – Встряхнись, из тебя уже гвозди можно делать – жидкие...

Он снова ходил по заколдованному кругу. Этот город засасывал, ноги вели туда, где его не ждали и не любили!

– Это ты? – потрясенно прошептала женщина, отворяя дверь кирпичного домика, окруженного сливами. Она вцепилась в косяк, смотрела как на демона. Алена сильно изменилась – растворился образ, хранимый в памяти одиннадцать лет. Волосы заметно поредели, она стянула их в пучок на затылке. Худая, осунувшаяся, в уголках глаз залегли морщинки. Обвисла грудь – она и не пыталась это скрыть.

– Здравствуй, – пробормотал Максим. – Прости, что вот так, без предупреждения... Просто не мог не зайти...

– Не вовремя ты зашел за счастьем, Максим... – прошептала Алена. – Ну скажи, какого черта ты сюда приперся – еще раз услышать, как я тебя ненавижу? Я даже знать не хочу, почему ты здесь, а не на зоне, мне это безразлично. Ты же не собираешься войти в этот дом? – Она смерила его презрительным взглядом. – Ты убил моего отца и моего дядю. Ты загубил мою жизнь. Из-за тебя я полгода лежала по больницам. Из-за тебя моя мама попала в психушку и до сих пор не понимает, в каком мире живет и почему отец так долго не приходит с работы... И вот ты снова здесь, как это мило, я вся трепещу... В тебе сохранились хоть какие-то остатки совести?

– Мама, кто там? – прозвенело колокольчиком, из дома выскочила обаятельная куколка, уставилась на Максима огромными глазами. Алена испуганно прижала ее к себе – как будто в гости заглянул маститый педофил.

– А кто это, мама? – спросила девочка, хлопая глазками.

– Никто, милая, – выдавила Алена. – Теперь уже точно никто... Ну, если хочешь, давай считать его почтальоном.

– Правда? – изумилась крошка.

– Алена, кто там пришел? – прозвучал мужской голос, и застучали шлепки по паркетному полу.

– Почтальон уже уходит, – обреченно сказал Максим и, ссутулившись, побрел к калитке.

– И сделай так, чтобы почтальон никогда не приходил дважды, я очень тебя прошу... – прозвучало в спину, словно выстрел...

Он смутно помнил, как свернул за мусорные баки и едва не столкнулся с полицейским патрулем. Младший сержант и старший сержант озадаченно посторонились, уставились вслед. Станный тип, явно не в себе – глаза пустые, походка неуверенная.

– Эй, стоять! – крикнул младший сержант патрульно-постовой службы. Мужчина вздрогнул, притормозил, исподлобья уставился на представителей закона.

– Умница, – усмехнулся старший по званию и возрасту. – Теперь иди сюда. Не нам же к тебе идти.

Максим вздохнул и неохотно вернулся, стараясь держаться подальше от мусорного бака. Символично как-то – мусор, мусора...

– Ухмыляется он чего-то, – подметил младший сержант. – Вроде не давали повода, а?

– Нет, он хмур и раздражен, – возразил старший. – Раздосадовали мы его.

Полицейские принялись. Алкоголем от прохожего не пахло.

– Может, укуренный? – выразил надежду младший.

– Не курю, – вздохнул Максим. – Задумался, господа полицейские. Жизнь тяжелая. У вас вопросы?

– Конечно, дорогой, – заулыбался старший сержант. По счастливому стечению обстоятельств настроение у копов было приподнятое. – Документы предъяви, а потом определимся с вопросами.

Максим представил справку об освобождении. Полицейские присвистнули и стали изучать ее с таким любопытством, словно это был чек на миллион филиппинских песо.

– Впечатляет, мил человек... – протянул старший сержант и всмотрелся в «задержанного». При этом его взор затуманился, что свидетельствовало о включении памяти. – Тэк-тэк... – многозначительно протянул коп. – Не могу избавиться от ощущения, что мы с вами однажды встречались...

– Я живу в этом городе.

– А чего таким тоном? – встрепенулся молодой.

– Адрес, пожалуйста, – нахмурился старший сержант. В памяти были пробелы. С одной стороны, лицо прохожего было знакомо, с другой – прошла такая уйма лет...

Максим задумался. У вершителей человеческих судеб, похоже, отсутствовало желание тащить задержанного в участок. Жарко, лениво, не хочется делать лишних движений. И о том, что дом семьи Кавериных испарился за долги, полицейские знать не обязаны.

– Может, натолкнуть его подзатыльником на правильную мысль? – предложил младший.

Максим озвучил адрес на улице Овражной.

– Уже отметились в полицейском отделении по месту жительства? – наседал старший.

– Отмечусь, – кивнул Максим. – Только вчера приехал.

– Приходите, будем рады, – заржал младший сержант.

Формального повода задерживать бывшего зэка у полицейских не было. Ему вернули справку и отпустили на все четыре. Старший наряда угрюмо смотрел ему вслед и кусал губы.

– Знакомая фигура? – поинтересовался напарник.

– Да уж, была в этом городке много лет назад пренеприятная история... – процедил коп. – Я тогда еще младшим бегал... Нет уж, чур меня, как говорится... – Он потянулся к поясу и отстегнул портативную рацию...

А Максим бесцельно слонялся по городу. Он ушел с центральных улиц, бродил по петляющим переулкам, убегающим в горы, глазел на облупленные дома за дырявыми заборами, наслаждался запахами цветов и плодовых деревьев. Прошелся по «Приморским Черемушкам», застроенным унылыми коробками. Отметив, что гопники здесь все те же, а вот поколение бабушек у подъездов сменилось кардинально – они научились пользоваться сотовыми телефонами, а одна была в наушниках! В районе обеда он забрался на гору, прозванную Красной Колодой, – с нее открывался впечатляющий вид на Фиоленсию и Жемчужную бухту – и долго разглядывал изменившийся город. После обеда, который обошелся еще в двести целковых, он совершил вояж по прибрежным заведениям, не претендующим на звание элитных. Подтянутый мужчина с серьезными глазами интересовался работой. Любой. Дворником, грузчиком, посудомойкой, «повелителем мух»... Желательно с койкой и ежедневной оплатой по итогам содеянного. Он согласен рассмотреть любые предложения. В первых по списку заведениях все «должности» были расхватаны. В четвертом, носящем странное название «Королевский двор», его задумчиво созерцала хозяйка – тяжеловатая «постбальзаковская» особа; потом призналась, что вакансий нет, но если молодой мужчина не прочь освоить новую «профессию»... «Получать зарплату сексом?» – озадачился Максим. Дама попросила документ, удостоверяющий личность. Документ Максима Каверина блистал оригинальностью. Дама округлила глаза, стерла «красоту» с лица влажной салфеткой и сказала, что подумает. Не может ли мужчина подойти на следующей неделе? Что-то подобное случилось и в следующем заведении, и в его клоне на краю Золотого пляжа. Максим подался к «Райскому уголку», венчаемому макетом мельницы. Смутно вспоминая, что название знакомое, обогнул здание, чтобы зайти с черного хода... и спрятался за платан. Вновь знакомые лица! Двое работников торопливо ели из картонной посуды за раскладным столиком. Распахнулась дверь, явилась третья – в переднике официантки. Хмурая, решительная. Максим чуть не присвистнул – Бобышка! Верка Верещагина! Какая трансформация! Круглая «шишка на ровном месте» превратилась в разбитную статную особу – эффектная брюнетка, впалые щеки, ястребиный взор! Она уперла руки в бока и гаркнула, заставив парней за столом втянуть головы в плечи:

– Ага, вот он, пропащая душа! Снова жрет, а я должна его работу делать! Семен, ты, как птичка, – съедаешь половину своего веса в день! А ну, марш работать! Я тебе что, трактор?

– Верка, имей совесть... – заныл субтильный паренек, запихивая в рот кусок мяса. – Ну сейчас, сейчас, дай доесть...

– От тебя пользы, как от надувного! И как в него влезает! – разозлилась Бобышка, спрыгнула с крыльца и зашагала к жующей компании, угрожающе разминая пальцы на руках. – Предупреждаю – если кто-то сейчас не встанет, то я кого-то приятно удивлю!

– Не убивай его, Верка, – хрюкнул приятель паренька. – Он исполнит твоё желание!

– Неужели? – изумилась Бобышка, хватая коллегу за шиворот. Тот вывернулся и, дожевывая на ходу, засеменил к двери.

– А мы чего ржем? – нависла Верка над вторым. Тот сделал примирительный жест и чуть не рухнул лицом в тарелку.

Постреливая выхлопом, подъехал старенький микроавтобус с эмблемой «Форда». Он припарковался недалеко от столика, с подножки спрыгнул Макар Глуховец, покосился на Верку и пружинящей походкой отправился к багажнику. Макар почти не изменился – стройный, в меру накачанный, с загорелой «греко-римской» физиономией.

– Так-так, – вновь подбоченилась Бобышка. – Нарисовалась их светлость. Рабочий день на исходе. Почему один? Где Кузьменко?

– Отпросился Кузьменко, – проворчал Макар, выволакивая из багажника тяжелую коробку. – Мать у него болеет.

– Вот это скорость, – восхитилась Бобышка. – В шесть заканчивает работу, а в пять уже дома. И почему я одна такая порядочная? Волоку этот воз и постоянно получаю люлей от Симаковой!

– Вер, заглохни, а? – попросил Макар, выгружая коробку на стол. Он был мрачен – впрочем, для Макара это было нормальное состояние.

– Я не тачка, – отрезала Верка. – Я не заглохну. А ты, конечно, по дороге на работу заехал проведать любимую бабушку. Ну, и засиделся, заодно поужинал. Ты же не ушел от бабушки голодным?

– Вер, достала. – Макар покрывался пунцовыми пятнами. – Трахнись ты уж с кем-нибудь, а то становишься невыносимой!

– С кем? – прорычала Верка.

– С кем угодно, – фыркнул Макар, доставая вторую коробку. – Только не со мной...

В груди защемило. Какие же они свои, в доску родные... Желание выйти из-за дерева и обнять эту парочку просто разрывало. Что это даст? Поставить и этих людей в неловкое положение? Он попятился, шмыгнув за угол...

Солнце садилось, море усыпали солнечные зайчики. Он брел по дощатому причалу мимо пристани, косился на элегантные яхты, на старенькие катера. Прогулялся на пирс мимо леса мачт и деревянных бортов, постоял на краю, наблюдая, как с пирса «солдатиками» ныряют детишки младшего и среднего школьного возраста. Усмехнулся, вспомнив детство, побрел обратно.

– На месте стой! – прозвучал за спиной веселый голос. – Ну, в натуре, пингвины прилетели!

Он обернулся. С экскурсионного баркаса под названием «Венеция» спрыгивал обнаженный по пояс крепыш, исписанный татуировками. Физиономия сияла от уха до уха. Не спрашивая разрешения, он заключил Максима в объятия и без усилий его приподнял.

– Как я тебя подкрямзил, корешок! – захохотал татуированный. – А ведь я с ходу тебя прикупил, не зашифруешься!

– Угрюмый? – растерялся Максим и невольно заулыбался – хоть кто-то в этом городе ему рад. А старый школьный товарищ – Виталик Угрюмый (никакое не погоняло – фамилия) пританцовывал, хлопая Максима по плечу, скалился во весь рот:

– Прибыл от хозяина, Максим? Ну, ей-богу, солнце кому-то засветило... Ты не на заборе случайно расписался? – на миг насторожился Угрюмый, а когда Максим решительно помотал головой, вновь расцвел в непринужденной улыбке. – Понял, менты расщедрились, чего это они? Ну, давай, бухти, какими судьбами, как делишки? Как там Чалкина деревня?

– На месте Чалкина деревня, Угрюмый. Чего ей, зоне, сделается? Вот, решил прокатиться по памятным местам, совершаю, так сказать, очередную кругосветку...

– Ништяк, братуха, ништяк, – восторгался Угрюмый. – Я ведь, не поверишь, тоже на кичу сбегал, первоходка была...

– Слышал от Фаткина. – Максим с интересом разглядывал живописные полотна, украсившие Угрюмого. Стандартный набор: драконы, колокола, проклятие ментам, загубившим буйную молодость. Похоже, Угрюмый на зоне неплохо провел время, в отличие от Максима.

– Слушай, ты какой-то беспонтовый, – обнаружил приятель, всмотревшись в его квелую улыбку. – Хотя, конечно, понимаю, тут тебе не Ташкент... В чем проблемы, корешок, не поделишься?

– Угрюмый, не заходи с севера, – поморщился Максим. Он тоже освоил великий и могучий воровской жаргон, хотя старался его не применять в повседневной жизни. – Ну зачем тебе мои проблемы? Сам-то чем занимаешься?

– Да вот, прибуду чиню, – кивнул Угрюмый на экскурсионную «Венецию». – Не фурычит, зараза. Я тут, типа, механиком работаю. Акционерное общество «Глухая тетеря». – Угрюмый раскатисто расхохотался. – На зоне, конечно, все пучком, но как-то стремно туда возвращаться, вот и приходится... Слушай, может, чекалдыкнем? – Угрюмый глянул на ручные часы. – Я через пару часиков освобожусь. Тут в порту кишкодром толковый, посидим, за жизнь побухтим, ты как, а?

– В другой раз, Угрюмый, – улыбнулся Максим. – Ей-богу, дела сегодня. Я зайду к тебе, я же знаю теперь, где ты работаешь.

– Слушай, а у тебя фарш канают? – не унимался приятель – он отличался умом и наблюдательностью. – Так давай я тебе подкину. – Он полез в оттопыренный карман. – Бабла, конечно, вилами не гребу, но пока все чики-чики...

– Угрюмый, уймись. Все в порядке с наличностью.

– Ну, как знаешь, – обиженно надулся приятель. – Если что, обращайся, Максимка.

Он хотел еще что-то добавить, но на корме «Венеции» объявился мужик в комбинезоне, увешанный мотками проводов. Принялся ругаться – где его напарник, чего он там застыл, как писающий мальчик?

– Опять палкана раззявил... – процедил Угрюмый и сплюнул на настил. – Дам ему когда-нибудь в паяльник... – Он снова пристально воззрился на приятеля: – Слушай, Максимка. – Он помялся. – Ты бы не парился так, я же вижу, как тебе хреново. Люди косяка дают, за нафталин всё напоминает, Аленка, поди, неласкова с тобой... Ты, в принципе, искупил, больше червонца на зоне оттоптал, чего уж теперь, ведь нужно жизнь устраивать. Да и вина твоя... ведь ты же не по злему умыслу это сотворил, верно? Давай, в натуре, завтра пересечемся, обмозгуем твои проблемы? Ведь я со всей душой, Максим.

– Посмотрим, – улыбнулся Максим и пожал протянутую руку. – Топай, Угрюмый, работа не волк, я все понимаю...

– Каверин Максим Викторович? – ахнуло в спину, когда он выбрался с набережной у гостиницы «Саванна» и собрался пересечь Морской бульвар. Сердце тревожно екнуло. Он покосился через плечо. Депрессивная картина. Полицейский «бобик» у тротуара, трое в мыш-

ном. Один поглаживал дубинку, другой наручники, третий постукивал по затворной раме висящего на плече автомата. Словно и не курорт.

Отпираться было бессмысленно, Максим кивнул.

– Вам придется проехать с нами, – зевнул коп.

Спорить тоже не хотелось. Максим безропотно пригнул голову и пролез в разверзшееся чрево зарешеченного «обезьянника».

Ехали недолго – мусорными переулками и подворотнями. Машину швыряло на ухабах – пришлось упереться в потолок, чтобы не разбить макушку.

– Плохие в городе дороги, – посетовал сержант.

– Зато дураки хорошие, – хохотнул шофер, выворачивая на относительно мощеную Расветную улицу.

Его доставили в двухэтажное здание районного управления, стыдливо упрятанное за рослыми кипарисами. Копы не зверствовали, сопровождали до кабинета на первом этаже и втолкнули внутрь. В лоне законности было строго и аскетично. За столом сидел работник полиции с погонами капитана и, в принципе, нормальной физиономией.

– Каверин? – Он сухо кивнул на стул напротив.

– Вот справка. – Максим выудил сложенный вчетверо «документ» и покосился на настенные часы. Похоже, копы в этом городе имели привычку работать внеурочно.

Капитан внимательно изучил предъявленную бумагу. Отодвинул пальцем.

– Я помню ваше дело, Максим Викторович, – сказал он вкрадчиво. – К сожалению, не я его тогда вел, гм... Да, мы навели справки, вас освободили условно-досрочно за примерное поведение. И вот вы прибыли в наш город...

– Это мой родной город... – чуть не сорвалось «господин гауптман». – Вы находите в этом что-то неестественное, гражданин капитан? Я провел здесь большую часть своей жизни, здесь похоронены мои родственники...

– Вот только дома у вас здесь нет, – напомнил коп. – Мы в курсе, что случилось с вашим домом, Максим Викторович.

– И что?

– Хорошо, не будем ходить вокруг да около. У вас имеется восемнадцать часов, чтобы покинуть город и больше никогда сюда не возвращаться.

– Причина? – Максиму стало дурно, но вида он не подал.

– Вам нужна причина, Максим Викторович? – удивился коп. – Вы сами не догадываетесь? Хорошо, у нас имеется для вас причина. Этому городу не нужны отпетые убийцы, к тому же без определенного места жительства. Это приличный город, если вы еще не поняли.

Возможно, имелась другая причина, но полицейский предпочел ее не озвучивать.

– Это требование законно? – на всякий случай уточнил Максим. Безымянный капитан развеселился:

– Законно, Максим Викторович, законно. Если оно предъявляется офицером полиции, то оно по модулю законно.

– А если я не подчинюсь?

– Ну что ж, Максим Викторович, тогда мы что-нибудь придумаем. – Капитан стер с лица улыбку, сузил глазки. – Вы же не сомневаетесь, что мы что-нибудь придумаем? Ну хорошо, поговорим откровенно. – Капитан откинулся на спинку стула, в прищуренных глазах заблестели льдинки. – Вот вам один из вариантов. Вас задерживают и, как в приличном поезде, предлагают постель. Возможно, что и чай. Причина? Не будьте наивным. Воспрепятствование законным требованиям работников полиции вас устроит? У вас имеется хороший адвокат? Кстати, вчера в районе Камышовой слободки произошло зверское убийство – пьяного гражданина зарезали ножом. Преступник, в принципе, известен. Ну а если их было двое? Вы в те края

вчера не забредали? А спорим, забредали? Как вам перспектива вернуться в «дом отдыха» еще лет на десять? Роскошная перспектива, согласитесь.

– Я могу идти? – спросил Максим.

– О, конечно, – кивнул капитан. – Патрульные вас проводят. Время пошло. На старт, как говорится, внимание... Восемнадцать часов.

Во дворе управления толпились люди в форме, обсуждали приобретение молодого сотрудника – блестящий свежей краской «Фольксваген Туарег».

– Ну, ты и гигант, Мишаня... – одобрительно гудели люди. – Надо же, какого зверя обрел...

– Вот, решил взять иномарку, – оправдывался лейтенант с плутоватым блеском в глазах. – Денег нет содержать отечественную машину...

На Максима никто не смотрел. Город покрывала вечерняя хмарь. Он побрел по Рассветной улице на север – к знакомому кафе, где можно перекусить и подумать. Впрочем, думай не думай, а романтика бродячей жизни уже вырисовывалась. Кто же знал, что перед ужином он попадет в очередную историю! Он понятия не имел, что участок улицы Рассветной напротив ТРЦ «Южный Парк» считается городским «парапетом» – местом сбора и смотрин ночных бабочек. Прошел двести метров – и здравствуйте, девочки! Целая кучка характерных девиц на проезжей части, они оживленно общались, хихикали, помахивали сумочками. Максим притормозил – он не был, конечно, эталоном стеснительности, но все же... У кучки хохотушек затормозила иномарка спортивного вида. Первой среагировала стройная девица в кожаной «минималистической» юбке и с рыжими волосами. Она метнулась к машине, нырнула в открытое окно, что-то бойко зашебетала. Повернулась, показала язык товаркам и шустро прыгнула на заднее сиденье. Максим оторопел – Светка! Уже очухалась, привела себя в боже-ский вид, вышла на тропу войны. Он еле узнал ее в рыжем парике! Иномарка промчалась мимо – в салоне гоготали, гремел по ушам неувядающий шансон. Максиму стало дурно, злость ударила в голову. Он развернулся и помчался за машиной, едва не сбив какую-то парочку! Это было глупо, куда ему тягаться с такими скоростями! Но иномарка не умчалась за горизонт, повернула направо перед полицейским управлением – и медленно покатила через ухабы по неосвященному переулку. Максим ускорился, добежал до перекрестка, тоже повернул. Жилых домов в этой местности не было. Прохожих – тоже. Производственный тупик. Он преследовал машину мимо запертых складов, бетонных заборов. Иномарка встала на пустыре, опоясанном гаражами и металлическими воротами. Когда он прибежал, клиенты уже «отдыхали» – все двери нараспашку, гремела музыка. Проститутка убажала двоих парней с убедительными челюстями. Один из них переместился на заднее сиденье, хихикал и ждал своей очереди. Светка скорчилась спереди, зависла над вздувшейся мотней водителя. Слабая видимость еще сохранялась. Максим подбежал, схватил Светку за талию и выдернул из машины! Похоже, переусердствовал – она ударилась затылком о раму кузова, взвизгнула от боли. Ничего, на пользу. Он отшвырнул ее к кустам, выплюнул в нутро салона:

– Все, парни, самолет дальше не летит. Валите отсюда.

– Какого хрена?! – завизжала в бешенстве Светка. – Ты что творишь, придурок?!

– Мы не поняли – чё за дела? – изумился качок, вываливаясь из машины. Бейсбольная бита уже в руках – молодец, под сиденьем хранит, чтобы далеко не бегать. Максим перекатился через капот – уже понятно, что драки не избежать, а противник прыгнул в стойку с перекошенной физиономией. Он выровнял ухмылку одним ударом – быстрым, как пуля! Тот согнулся в вопросительном знаке. Максим ударил снизу в челюсть. Он был зол, и мощь получилась что надо. Противника отбросило метра на два! От удара выбило дух. С возмущенным ревом с заднего сиденья выбирался приятель качка, выхватывал из-за пояса травматический пистолет. Максим хлестнул ногой по дверце, и стальная рама треснула в подбородок любителя «слу-

чайного» секса. Выпал пистолет. Но и тот был зол, отшвырнул от себя дверцу и вывалился на пустырь с утробным урчанием. Максим расхохотался ему в лицо – как же не хватало этой разрядки! Пара обманных движений – тот не смог уследить за движениями рук, заблудился в двух пальцах – и сокрушающий удар в переносицу отбросил его еще дальше, чем первого! Максим метнулся, схватил его за ворот, порвав рубашку, нанес тяжелую плюху по уху, затем вторую, едва не свернув на девяносто градусов «слуховой аппарат». Противник визжал, отползал на заднице, а когда Максим нагнулся, чтобы его добить, проявил прыть – подпрыгнул и с такой скоростью, словно ему горящую сигару в задницу вставили, помчался к щели между гаражами. Возможно, сквозной проход там все же имелся. От возбуждения Максима трясло – он развернулся со сжатыми кулаками. Первый клиент жалобно стонал, загребал пальцами землю, пытался застегнуть ширинку – в сущности, правильно, уже не надо – и оскорблял Максима обидными словами. Избыток отрицательной энергии тот выплеснул лишь отчасти. Он упал перед ублюдком на колени и принялся бить его по морде, пока не порвал кожу под губой, а физиономия страдальца не окрасилась кровью.

– Что ты вытворяешь, сволочь?! – набросилась на него с кулаками Светка. Раскраснелась, метала молнии. Она колотила его сумочкой, пинала коленкой. Он отступал под неистовым напором, защищался, старался не трогать ее, чтобы не сделать больно. А она орала, как потерпевшая, брызгала слюной, плакала. – Ты, скотина, отстань от меня, не лезь в мою жизнь! Что ты наделал, придурок, это же люди Барского, они тебя в порошок сотрут!!! Идиот, ты нас обоих подставляешь! Не жалко себя, так меня бы пожалел! О боже мой, откуда ты взялся, так хорошо без тебя было! Утром молилась – Господи правый, сделай так, чтобы это был только сон! За что мне такое наказание!

– Светка, не буянь, – бормотал Максим, уклоняясь от ударов. – Все нормально, ни к чему тебе это... Давай я до дома тебя провожу...

– Какой же ты идиот!!! – визжала сестрица. Отказали голосовые связки, она закашлялась. А потом немного успокоилась, захрипела. – В общем, так, родственник ненаглядный, слушай меня внимательно. Моя жизнь – это моя жизнь, а тебя я знать не знаю. Возможно, на первый раз отбрешусь – не знаю, кто такой, напал маньяк, поколотил парней, сама от него насилу спаслась... Но чтобы больше я тебя рядом не видела, уяснил? Никогда. Забудь про меня, не ломай остаток моей жизни. Ты же не хочешь, чтобы по твоей милости меня на кусочки распилили? Все, отвяжись, кровь моя родная, пропади ты пропадом...

И она побежала, цокая каблучками, вверх по переулку. Сумрак растворил родную сестру. Максим метнулся было за ней, но встал, растерянно всплеснув руками. Зловонная тяжесть подкатила к горлу – он согнулся, излил переваренные бутерброды и оmlет...

«День сурка» настал – он вновь очнулся под той же скалой. Организм пресытился тоской и желчью, его мучило. Впервые в жизни мысль о самоубийстве не вызвала отвращения. Он не знал, как жить. На зоне было проще... Может, действительно имеет смысл туда вернуться?

Самый настоящий «день сурка»! Солнце поднималось над горой. Купание – чтобы избавиться от свинцовой тяжести. Блондинка в голубом купальнике, который за прошедшие сутки сделался еще экономнее. Симпатичная, участливая и понимающая улыбка. О, только не это...

– Ты чё на мою девушку пялишься, коз-зел?

Простите, это чересчур! Он развернулся, пыхтя от злобы, и направился к качку, который за сутки ничуть не поумнел. Битой мордой больше, битой мордой меньше...

– О, ептыть, мужик, это снова ты... – забормотал представитель славной молодежи. Он начал покрываться фиолетовыми пятнами, попятился, выбрасывая белый флаг капитуляции. – Да ладно, мужик, чего ты горячишься, шуток не понимаешь? Я же не знал, что это ты... Ступай, ступай себе миром...

Какие мы великодушные... Он плюнул на этого мудака, мимоходом отметив, что блондинка помалкивает (и ее утомили заскоки бойфренда), поволокся своей дорогой. На него оборачивались люди – не случилось ли что у парня? Он добрался до закуской, в которой становился завсегдатаем, для блезира изучил меню, старательно хмурия брови. Заказал стандартный набор – кофе, омлет, бутерброд. А когда начал проверять карманы, обнаружил, что не хватает тысячи рублей! Осталась мелочь от первой купюры, а «тысячную» он где-то посеял. Возможно, выронил во время драки или кто-то вытащил... Он шарил по карманам, палец провалился в дырку – обидно, именно эта банкнота была сложена вчетверо...

– Мужчина, заказывать будете? – нетерпеливо спросила продавщица.

– Буду, – потрясенно пробормотал Максим. – Только без омлета...

В кармане оставалось сто пятьдесят рублей. Гигантская сумма. Несколько часов можно чувствовать себя сытым. Он перекусил, выбрался на набережную, украдкой осмотрелся. Людей в характерной форме не наблюдалось. И вновь хождения по мукам – он бродил по магазинам, по закуским, справлялся, не требуются ли непривередливые, на все согласные работники. Он просочился в ночной клуб, достучался до администратора. «Уверен, вам нужны люди с крепкими кулаками, – заявил Максим работнику. – Выставляйте троих, убедитесь, что я хорош». Администратор удивился, с интересом изучил его фигуру (имелось в этом взгляде что-то нетрадиционно сексуальное), попросил документы, а когда увидел мятую справку, вздохнул и покачал головой. Впрочем, догнав на выходе, воровато покосился по сторонам и шепотом сделал выгодное предложение – на такую сумму, которую с лихвой бы хватило на месяц сытой жизни. Максим сдержал желание врезать парню в торец, покачал головой и убыл.

В последнем заведении на пляжной линии пришлось ждать человека, способного дать вразумительный ответ. Появилась «компетентная» дама с гимнастическими обручами в ушах, вразумительно сказала «нет». Максим кивнул и повернулся, чтобы уйти. И застыл, не в силах пошевелиться. За столиком сидела Алена Воронцова со своей семьей и с ужасом на него смотрела! Она не обратила внимания на мужскую спину у барной стойки. В противном случае не стала бы располагаться в заведении. Только она его видела! Дочурка болтала ножками и с интересом разглядывала потолок. Полноватый муж с глубокими залысинами пристально созерцал меню. Наваждение завораживало... Это снова была она, лучшая девушка Фиоленсии, по уши влюбленная в Максима, а все мужья и дети – такие пустяки... Он невольно подался к ней, зачарованный блеском глаз, весь трепещущий, вспотевший... И словно обухом огрели. Она задрожала, чуть не проорала что-то гневное – и он опомнился, запетлял между столиками, ослепший и оглохший. На выходе обернулся. Алена сидела красная как рак, что-то мямлила – муж обратил на нее внимание. Девочка болтала ножками, удивленно разглядывала маму. Потом повернула головку и встретилась взглядом с Максимом. Ага, тот самый, с толстой сумкой на ремне... Он вывалился из заведения, пылая, как маков цвет. Права его сестра – он теперь способен доставлять людям одни неприятности...

Он плохо помнил, как промчался день – девятый день на свободе. Голова отключилась, ноги занесли на окраину, к морю. Дикая пляж, никто не обращал на него внимания. Приветливые люди купались голышом, предлагали сыграть в волейбол – он даже не помнил, что отвечал. Чувство голода притупилось. С наступлением сумерек он побрел в город. Сунулся на причал – Угрюмого не было. Дотащился до хибары Фаткина – и этот изволил отсутствовать. Тоска пилила смертная. Так не хотелось в петлю... В итоге он рассудил, что мудрый совет может дать только женщина, восстановил в памяти район, в котором проживала Бобышка (впрочем, не факт, что она и теперь там проживала), и когда на город опустилась мгла, начал выдвигаться к улице Олеко Дундича. Городская артерия с таким названием стартовала от улицы Канатной и, витиевато изгибаясь, убегала в горы. Он поднимался по ступенчатым террасам, сужалась улочка, мрачнели дома. Исчезли прохожие, растворился гул курортной зоны. Заборы в этой части города были выше людей – улица из окон не освещалась. Район не изменился. Одинна-

дцать лет назад он был таким же неблагополучным, люди из него выходили по образу и подобию района, не исключая ту же Верку...

Он добрался до последнего работающего фонаря. Дальше простиралась тьма. Темноты Максим не боялся, но сегодня его что-то насторожило. Он отступил во мрак, застыл, обратившись в слух. Кто-то шел за ним, камень чиркнул. Или показалось? Сложно разобрать – слева бубнила музыка, справа лаяла собака. Поколебавшись, он продолжил движение. И вдруг пространство за ним огласилось шумом! Зажглись фонари, и зону света под фонарем пересекли четыре серые личности! Дыхание сперло – подкараулили, черти! Ясен перец, что по его душу, здесь больше никого нет! Он пустился наутек – вверх по улице – хорошо, что фонарь за спиной немного освещал дорогу. Он несся широким шагом, следя за тем, чтобы не упасть. А улица, как назло, перестала петлять! Его настигали – эти черти лучше видели, что творится у них под ногами. Четверо мужчин дружно топали, сопели.

«А ведь не бить будут, – мелькнула аховая мысль. – Мочить к чертовой матери! Насовсем! Но почему? Эх, предупреждал же добрый капитан полиции...»

Узкий переулок по правую руку – он влетел в него, и, пожалуй, напрасно – несколько прыжков между рослыми заборами, площадка с припаркованной в стороне машиной – и удручающий тупик! Трехметровая стена, окрашенная известью, изгибалась влево, вправо. А сопение за спиной становилось уже неприличным. Что-то швырнули – тупая боль в спине, судорога, а «метательный снаряд» со звоном прыгал по каменной площадке. Индейцы, блин. Метнули нож, попали рукояткой – ну точно, не поговорить пришли...

Максим подпрыгнул, подлетев к забору, – у него была отличная толчковая правая. Подтянулся, забрасывая ногу, хотя прекрасно видел, что над забором натянута металлическая сеть. Да и гогот за спиной недвусмысленно намекал, что потуги напрасны.

– Не уйдешь, падла! – взревел какой-то борзый гопник.

Не дождутся, он не будет прятаться под медным тазом! Он не собирался никуда перелезть! Он висел между небом и землей, а четверо уже подвалили толпой. И вдруг он оттолкнулся от забора, изогнулся в полете и рухнул в самую гущу событий! Кто тут не верит в мужество отчаянных парней? Он свалился на головы неприятельского войска, что явилось для того полной неожиданностью. И заработали на износ все четыре конечности и голова. Он бил, не всматриваясь, вертелся, как юла, старался нанести как можно больше ударов и как можно меньше пропустить. Вспыхнуло плечо – дьявол! – стоит показать тут кому-то желтую карточку... Но боль лишь добавила сил, он был в родной стихии! Издал какой-то дикий рев и так замолотил руками, что чуть не взлетел! Он бил по глазам, по животам, вырвал у кого-то фонарь и врезал по носу. Кто-то вывалился с жалобным стоном из кучи, покатился, держась за голову. Звонкая затрепанина – и у самого загудело в голове, мысли перепутались, и ноги сделались ватными. А вот такого он не мог себе позволить... Он вывернул обидевшую его конечность, вырвал из плечевого сустава, сломал в локте – одновременно падая на колени, чтобы еще чего-нибудь не проворонить. Пострадавший визжал, как поросенок. Он схватил другого за волосы, отшвырнул, и пока тот искал себя в пространстве, молотил до посинения в костяшках последнего. Тот сползал по стенке, заключительный удар по горлу, возможно, был излишним, но сердцу не прикажешь! И рухнул на колени, когда почувствовал, что на него несется тот самый, отброшенный. Толчок бедром, и доморощенный киллер вонзился макушкой в стену, видимо рассчитывая ее протаранить! Лопнуло основание черепа. Максим откатился в сторону, схватил валяющийся под ногами бесхозный фонарь, принялся осматриваться. Адреналин еще хлестал, он не чувствовал боли. Но боль придет, она не может не прийти...

– И что? – пробормотал Максим, прислушиваясь к ощущениям. – Справился, молодец. Поднялась самооценка?

Стыдно признаться, но поднялась. Трое из четверых пребывали в жалком состоянии. А тот, что протаранил стену, – похоже, в коме. Обычная небритая шпана. Впрочем, не юные,

и с разворотом плеч у них все было нормально. Постанывал пострадавший – со сломанной в двух местах рукой. Максим присел на корточки, осветил лицо, заросшее щетиной. На бомжа не похож – рядовой люмпен с городской окраины, работающий за небольшую, но звонкую копеечку.

– И кто вас послал за мной, таких страшных? – вкрадчиво осведомился Максим. – Говорим или ломаем вторую руку?

Тот шурился, лицо исказилось от боли, превращалось в какой-то одутловатый помидор.

– Теперь ты точно покойник, сука... – прохрипел он, выгибая спину.

Товарищ не был готов к диалогу. Максим схватил его за здоровую конечность, начал с хрустом выворачивать. Бедняга извивался, сучил ногами по земле.

– Это тайна? – удивился Максим. – Ты готов подохнуть за секрет Полишинеля?

Тот не знал, что такое секрет Полишинеля. Он рычал, обдирая пузо, вцепился зубами в каменную площадку.

– Ну давай, дружок, не стыдись, – попросил Максим. – Озвучь то, что мы и так оба знаем.

– Сука, менты на тебя натравили... Отпусти, больно...

Что и требовалось доказать. Не просто странно, а очень странно. В соседних домах уже хлопали рамы, загорался свет – драку сопровождали соответствующие звуковые эффекты. Он сунул в сумку фонарик и побежал из тупика...

А только выскочил на улицу и промчался мимо одинокого фонаря, как вой полицейской сирены дал по ушам! Озарилась часть городской артерии – метрах в семидесяти по склону, – и из примыкающего переулка выскочила машина, сияющая, как новогодняя елка. Он должен был добить того, последнего! Нашел в себе силы квакнуть по мобиле, гаденьш! А менты оти- рались поблизости, дистанционно контролировали «операцию»... Машина еще разворачива- лась, свет от фар скользил по дуге, озаряя выщербленную ограду, а Максим уже кувыркался в бетонный желоб водостока. Он в кровь отбил плечо, взвыл от боли, сплющился на дне полу- круглого желоба, в котором какого только дерьма не было! Его могли заметить – глубина этой выемки была символической. Но бог сохранил и спас, сделал поблажку своему непутевому отроку! Громыхая рессорами, полицейская машина промчалась мимо, инородное тело в канаве осталось незамеченным. Они свернули в подворотню, где Максим учинил побоище – хотя по логике вещей должны были рассыпаться вдоль улицы. Ну что ж, глупость господ полицейских была ему на руку. Улица имени красного командира погрузилась в тишину. Максим выкатился из канавы и помчался вниз, пролетел метров двести, юркнул в подворотню, горячо надеясь, что она не станет очередным тупиком...

Навещать Бобышку (равно как и прочих) отныне было противопоказано. Он не хотел, чтобы кто-то пострадал по его вине. Окольными дорогами Максим пробрался на север и вскоре вышел на улицу Корабельную, впадающую в Морской бульвар. В ближайшей подворотне он привел себя в порядок, поправил одежду, почистился, причесался, чтобы не стыдно было выйти в люди. В кварталах, прилегающих к морю, кипела ночная жизнь, клубились отдыхаю- щие. Там он мог затеряться и потихоньку выходить из Фиоленсии. Он смирился с мыслью, что этот город не для него. Здравствуй, кочевая жизнь, полная сюрпризов и опасностей! Он снова совершил преступление – искалечил группу мирных жителей, не замышлявших против него ничего дурного. Все нормально, он сэкономил на обеде и ужине, в кармане полтора ста рублей, отличный стартовый капитал...

В районе одиннадцати вечера он всплыл в северной части Морского бульвара, вдали от огней и заведений – жутко уставший, опустошенный, лишившийся последней веры. Он брел по тротуару, не замечая прохожих, игнорируя машины. За улицей Портовой бульвар сузился, превратился в дорогу, пропали фонари и люди. И все же он напрягся, когда очередная машина, идущая в попутном направлении, вдруг резко затормозила. Он повернулся, сжав кулаки –

бежать некуда, голый пустырь. Это были древние «Жигули». Из машины выскочили двое, зажегся фонарь, Максим зажмурился.

– Это он! Нашли! Невероятно!

В ушах звенело, ярость мутила рассудок. Как же вы достали, черти! Видать, видок у него был страшный, двое не спешили подходить.

– Ты нашу кровь из горла будешь пить, Максим? – насмешливо осведомился один. – Или посуду принести? Возбужденный ты какой-то.

– Это он еще водочки не навернул, – гоготнул второй. – Ничего, устраним пробел. Напористый ты змей, кентуха, повесил ментам сопли на уши.

Звон в ушах стоял нестерпимый, голова трещала, как горящая изба. Двое медленно и опасно приближались.

– Только не бей, – сказал один, беря его за рукав. – Пошли, Максим, прыгай в тачку, все нормально, мы хорошие. Я – Фаткин, это Угрюмый, мы не санитары, не менты... Уже и не чаяли тебя найти, приятель, думали, ты из города свалил, барражировали исключительно для очистки совести...

– Не тормози, кореш... – урчал второй. – Соображай по-пырому...

– Мужики... – растерялся Максим. – Это мило, конечно, но какого хрена, прошу прощения за вопрос?

– Пошли, пошли, пока менты не повязали, – толкал его в спину Угрюмый. – Информашка прошла по твою грешную душу, скажи спасибо Фаткину, это он ее добыл... Ну, чего ты такой беспомощный, шевели булками!

Ком стоял у горла, руки обвисли. Он очнулся уже в машине, куда его затолкали в четыре руки. Фаткин кому-то названивал, извещал, что «объект локализован, обезврежен и прибран». Угрюмый разворачивал обшарпанные «Жигули», насвистывал «Мурку». Он помчался в обратном направлении, объезжая встречный и попутный транспорт – хорошо, что в ночное время он не кишел, как опарыши в банке.

– А ничего, что мы по встрече едем... сэр? – ехидно поинтересовался Фаткин. – Слышь, Угрюмый, ты бы голову на радостях включил, а?

– Все ништяк, братва, прорвемся, сядем все! – радостно гоготал Угрюмый и, практически не снижая скорости, вывернул с бульвара на Канатную. Там благоразумие восторжествовало, и он перестал демонстрировать стиль рискованной езды.

– Мужики, вы зря это... – пытался урезонить их Максим. – Нельзя вам со мной якшаться, я опять под колпаком, менты ливер дают – вы же сядете из-за меня, придурки...

– Менты у нас такие, – меланхолично пробормотал Угрюмый. – С ними не расслабишься... – И сплюнул в открытое окно. – Вот же племя фараоново, мать его...

– Максим, не ершись, – сказал Фаткин. – Не забывай, что нам самим страшно. Мы что тебе, супергерои?

– Так вот и я о том...

– Твой мозг способен дать команду заткнуться? – разозлился Фаткин. Он сильно нервничал – пот струился по физиономии, очки загадочно поблескивали в свете мелькающих фонарей. – Или поговорить о чем-нибудь уместном?

– Хорошо, давай об уместном... Куда мы едем?

– К Бобышке. Скоро вся компания туда подтянется... а может, уже подтянулась.

– Идиоты! – закипел Максим. – Нельзя к Бобышке! Этот адрес на Олеко Дундича менты зачистят в первую очередь, я же туда шел!

– Уймись, – поморщился Фаткин. – Верка не живет на Олеко Дундича, ты напрасно туда шел. Верка живет на Партизанской – у нее нормальный дом, оставшийся от бывшего... вернее, от мертвого мужа. Из дома несколько выходов, чего ты трясешься?

– В цвет попал, – подтвердил Угрюмый. – Центровая хаза у Верки – такую понттовую блат-хату можно учудить...

– Надеюсь, – проворчал Максим. – А то я такой переполох затеял – целую банду уложил...

– Мы в курсе, – кивнул Фаткин. – Ильич рассказал. У него прямая связь с коллегами в ментуре, которым не по нраву происходящее в этом городе. Не удивляйся, такие люди еще есть. Он в курсе последних криминальных событий. Представили, конечно, иначе: бандитское нападение одного на четверых – план «Перехват», всем постам, вся фигня, известно имя нападавшего...

– В натуре, – согласился Угрюмый. – Прочно ты сел на вилы, Максимка.

– Ничего, что спрошу? – перебил Максим. – Кто такой Ильич?

– Мент позорный, – хохотнул Угрюмый, сворачивая на неприметную улочку.

– Бывший мент, – поправил Фаткин, покосившись на Максима. – Из машины не прыгай на полном ходу... Суриков Алексей Ильич. Четыре года в отставке – ушел в капитанском звании, пока не начались проблемы с совестью. Основательный дядька. Мы с ним практически друзья, на соседней улице живет, в шахматы часто играем...

– Отказываюсь что-то понимать, – признался Максим. – Почему меня подставляют, что я им сделал? Вернулся с зоны, никого не трогал...

– Вот об этом Ильич и хочет с тобой перетереть, – пробормотал Фаткин. – Всё, мужики, кончай болтать, уже приехали...

Кружилась голова в предчувствии чего-то странного, невероятного. Тихая улочка у самых гор, приземистый домик за резной оградой в окружении бурной зелени. Тишина, покой... Его не нужно было упрашивать, сам шел – и чем дальше, тем быстрее. Обстановка в гостинной не блистала роскошью, но вот то, что ее наполняло...

– А вот и мы наклюнулись, – возвестил Угрюмый, вторгаясь первым в гостиную.

– Скотина ты все-таки, Каверин, – бескомпромиссно заявила Верка Верещагина, одетая весьма «непринужденно» – в короткие шортики и топик. Уперла руки в бока, приняв излюбленную позу, осуждающе качнула головой. – Какая же редкая ты скотина... Даже не пришел, даже не намекнул, что ты в городе, – узнаем об этом от посторонних лиц...

– А ты только глянь, как она для тебя разделась, – съязвил Макар Глуховец, развалившийся на диване с бутылкой пива.

– Заткнись, Макар, – окрысилась Бобышка. – Я раздета ровно настолько, чтобы считаться одетой! Ты бы видел, в чем я тут хожу, когда никого нет!

– Хочешь, чтобы я увидел? – насторожился Макар.

– Коляша, блин, парамыгу закрой! – ахнул Угрюмый, выстреливая пальцем в открытое окно. – Мы что тут, в гости всех зовем?

Вылетел из кресла долговязый Коля Селин, захлопнул оконную раму, задернул шторы и повернулся – весь сияющий, желтозубый, довольный, словно кот, объевшийся сметаны! И все по незримой команде бросились его обнимать, тискать, трясти. Слезы наворачивались на глаза, плотный ком стоял в горле. Как же он счастлив был их видеть! Они смеялись, никто не чувствовал себя неловко, даже Бобышка подобрела и запечатлела на щеке у Максима такой кровожадный поцелуй, что он его потом неделю чувствовал!

– Да ладно, не мните, – ухмылялся Фаткин. – Он же, как былинка, падет сейчас, а нам его лечить.

Макар соорудил физиономию начинающего иллюзиониста и сдернул скатерть с барной стойки. Объявился «шведский стол» – бодрящий русский напиток, резаные фрукты, что-то мясное, рыбное, возможно деликатесное.

– Водка есть, закуска есть, чего еще в жизни надо? – урчал Угрюмый, разливая водку по пузатым стопкам. – Налегай, Максим, чавкай, мы же видим, какой ты не голодный...

– Я тоже не голодный, – ржал Коляша Селин, ломая руками костлявую барабульку. – Устал, итить ее, на этой долбаной работе...

– Хорошо, когда у человека много работы, – нравоучительно изрек Макар, подымая стопку. – Тогда у печени ее значительно меньше. Ну, давайте, пацаны и девчата, с приехалом, как говорится. Мы долго приближали этот день, все глаза протерли, ждалки прождали – где там наш Максим...

Выпили по второй, прошлись по мерзкому качеству современной подорожавшей водки, после чего Бобышка предупредила:

– Ша, алкоголики, хватит. Ешьте, но на водку не налегайте. Забыли, зачем пришли?

– А зачем мы, кстати, пришли? – Максим не мог говорить, руки хватали со стола все, что попадалось, бросали в рот. Блаженная улыбка пристала к физиономии – он даже не пытался ее скрыть, знал, что не получится. – Нет, ребята, поймите правильно, я безумно рад вас видеть, вы не просто молодцы, вы герои, раз со мной связались...

– Не продолжай, – отрезала Бобышка. – Все узнаешь в свое время. И это время неумолимо приближается...

Все перестали жевать и задумчиво уставились на Максима. Он поперхнулся.

– Вид у него какой-то жалкий, – извлекая кость из горла, заявил Коляша и непринужденно осклабился. – В связи с этим... как его... недофинансированием.

– Огламурить надо, гы-гы, – согласился Угрюмый.

– Помыть, переодеть, – добавил Макар.

– А то смотреть на тебя, Максим, тошно, – обобщил Фаткин. – В чем мама родила, в том Родина и оставила. Верка, возьмешь на себя этот груз?

– Возьму, – кивнула Бобышка. – Сама ототру его мочалкой и переодену. В этом доме пока еще достаточно мужской одежды... от первого мужа.

– А глазки-то как заблестели, – наблюдательно подметил Макар, и все заулыбались. – Прости, Максим, но наша Верка думает только о сексе.

– Неправда, – возразила Бобышка. – Иногда я думаю не о сексе. Так, я не поняла. – Она насупилась и соорудила каменный лик. – Мы чего сейчас обсуждаем? Максим, пулей в душ, пока не началось...

Но уже начиналось. В дверь постучали условным стуком, и в доме объявились двое хмурых субъектов зрелого возраста. Обоим было не меньше пятидесяти. Приземистый крепыш с седоватым «ершом» и внушительной челюстью сунул Максиму руку, предварительно смерив его оценивающим взглядом.

– Суриков. Алексей Ильич. Можно просто Ильич. И не вздумай бескультурно «выкаты». – Новоприбывший сухо улыбнулся. Максим охотно отозвался на рукопожатие, оно оказалось твердым и мозолистым.

Второй визитер здороваться не стал. Какой-то чахлый, разбитый, с рыбьим глазом и землистым лицом – он тяжело передвигался, затрудненно дышал. Он добрел до барной стойки, плеснул из литровой бутылки в стакан, выпил в гордом одиночестве. Закусил помидором, снова налил, повторил процедуру. После этого обволок пространство мутным взглядом и поволокся в угол, где стояло одинокое кресло. Он долго кряхтел, принимая позу, а люди с интересом на него смотрели, никто не комментировал. Максим почувствовал, как запершило в горле.

– Прошу любить и жаловать, – представил Ильич. – Лазаренко Павел Сергеевич, бандитская кличка Лазарь.

– Всем привет, – бесцветно вымолвил «приглашенный», вяло помаhal ладошкой и закрыл глаза.

– Можно сказать, на пенсии, – продолжал Ильич. – Выжил в лихие годы, теперь насквозь больной, страдает гемофилией в последней стадии и при этом решительно отказывается ложиться в больницу и проходить положенный курс лечения. Считает, что лечение опасно для

его здоровья. Сидит на анальгетиках, которые немного облегчают его страдания. На лекарства уходят последние деньги. Болезнь запущена, терапия не поможет. Павел Сергеевич обречен, проживет еще, возможно, месяц или меньше месяца. Бывшие кореша от него отвернулись, материальную помощь не оказывают, морально не поддерживают, жена от него ушла – и, в общем, правильно сделала, поскольку даже в здоровом виде Павел Сергеевич – не подарок. Он никому не нужен – тот самый пресловутый Неуловимый Джо. Лазарь обижен на весь белый свет, и в первую очередь на своих поделщиков, и готов сдать их со всеми потрохами – в хорошие, разумеется, руки.

– Ильич, кончай трындеть... – натужливо вымолвил Лазаренко, открывая белесые глаза. – А то ведь передумаю, уйду...

– И мы просто умрем от горя, – осклабился Ильич. – Поздно, дорогой, твоя информация уже гуляет по свету. Самое смешное, что бывшие сообщники упустили из виду, что Павел Сергеевич – просвещенный человек. Это их явный просчет. Криминальная карьера нашего героя началась в конце восьмидесятых, крупным «военачальником» он не был – занимался рэкетом, мелкими бандитскими делами, в конце девяностых и начале двухтысячных состоял в группировке Барина – в миру господина Барского Вячеслава Иосифовича – одного из претендентов на звание хозяина района, а ныне – полноправного его хозяина. Мозги у Павла Сергеевича работают, поэтому он был не просто тупым исполнителем, а занимался подготовкой и прикрытием различных деликатных акций.

– Короче, Ильич, ты будешь до утра волоочь нищего по мостовой... – перебил Лазаренко. – На хрена меня сюда позвал, если сам можешь рассказать?.. В общем, Барин приказал устранить одного кента, с которым имел не то чтобы приятельские, но нормальные деловые отношения... У кента имелась пара отелей в козырном месте, он отказался продавать Барину свой бизнес... В общем, Барин замутил передел туристического рынка, эти объекты ему очень хотелось... Их сейчас перестроили, расширили, это лучшие в городе отели... Но хотелось без кипиша, чтобы живоглоты выявили бытовуху и ничего другого... Я лично исполнителем не был, но все обмозговал и спланировал. Брательник кента был в курсе, что Барин собрался его чпокнуть, боссы грамотно проехали по ушам – мол, ты будешь в доле, заработаешь, половина бизнеса твоего родственника перейдет к тебе, вся такая лабуда... Он даже не догадывался, что его тоже мочить будут. На деле все вышло даже проще – когда этот баклан буйнить начал... – Лазаренко вяло кивнул на окаменевшего Максима. – Их шхуна ушла от берега на несколько миль, в округе никого не было... Двое парней на аквалангах подплыли к борту, прикрепились там, подглядывали через швартовочные клюзы. Потом рассказали – забавно, блин... Баклан с объектом крупно повздорили, нахлебавшись пойла, что мы им подсунули, парень что-то доказывал, орал – кривой в дымину. Потом начал на объект с ножом бросаться, махал у него под носом – впрочем, не пырнул, хотя пацаны и надеялись. Прибежал брательник – он на корме спиннинг бросал, скрутили парня – тот вырубился. Тут пацаны и метнулись, мочканули этих двоих и всё подстроили – типа этот фраер нажрался до соплей, а потом насадил на перо своих компаньонов, да еще и нанес им в ярости кучу ударов... Ментам на берегу по-быстрому намекнули – мол, что-то долго мужики рыбачат. А этот фраер уже и сам их вызвал, не стал шифроваться, прятать улики, молодец... Хотя и дурак. В общем, нормально так отстрелялись – даже баклан, которого подставили, наивно поверил, что это он тех двоих... Чего уж об остальном городе говорить, до сих пор его не любят... А вот пацанам, что этот финт провернули, не повезло: на их могилах уже деревья выросли. Шайбу через месяц на разборке в Солнечногорском люди Щуплого завалили, Клоун в ДТП погиб – несясь без башки на «бэхе», занесло, в обрыв скопился... Я все сказал, Ильич, больше не будешь доставать больного человека?

Завершив столь важное признание, Лазаренко выбрался из кресла, доволочся до барной стойки, где сделал третий «подход», после чего побрел на выход, заедая огурцом. Максим машинально дернулся и заступил ему дорогу.

– Во как? – удивился Лазаренко и засмеялся дряблым смехом. – Хочешь чпокнуть меня, парниша? А что, давай, крутая, по ходу пьесы, идея. Я так боюсь старухи с косой, просто зубы сводит. Ты уж это... Извиняй, что так вышло, работа у нашего брата такая. Нам приказали – мы под козырек, а ты в тот день просто под руку попался, удачной находкой стал... Вон, Ильич не даст соврать... Ладно, привет честной компании, не кашляйте. – Не глядя на окружающих, Лазаренко обогнул окаменевшего Максима, доволочся до двери и пропал, скрипнув дверью.

– Не вломит он нас? – сморщился Угрюмый.

– Не вломит, – уверил Ильич. – С совестью у Лазаренко лучше не стало, но он обижен на корешей и рад им сделать бяку. Ему действительно осталось жить не больше месяца. Бог ему судья и палач...

Установилась тягостная тишина. Максим оцепенел, мурашки ползли по коже. Он с трепетным ужасом тарасился на окружающих, порывался что-то сказать, но слова застревали в горле. Информация не усваивалась – казалось, он что-то пропустил, неверно понял.

– Самое смешное, дружище, что этот порнофильм основан на реальных событиях, – заметил Фаткин.

– Такие вот дела, парень, – глуховато произнес Ильич. – Не убивал ты Владимира Михайловича Воронцова. И его недостойного братца не убивал. Дело сфабриковали, и одиннадцать лет ты просидел зазря, с чем тебя и поздравляю. И это не просто слова бывшего пособника криминальных боссов Лазаренко. Я по-тихому вентилировал тему, все сходится. стыдно признаться, но и я в те годы участвовал в расследовании твоего дела. Ты меня не помнишь, я в допросах не участвовал, собирал улики. Прости, парень, но улик против тебя было море. Чистая работа. Ни один мент не усомнился, что это ты замочил тех двоих.

Максим схватился за стойку, голова закружилась. Что же творится на белом свете? За что он отсидел одиннадцать лет?!

– Вы меня не разыгрываете? – промямлил он.

– Успокойся, Максим, ты не убийца, – сказала Бобышка.

– Ты просто дурак, – незатейливо хохотнул Угрюмый. – Мог бы и догнать.

– А ты, Угрюмый, догнал? – встрепенулся Макар. – А кто-нибудь еще из нас догнал? Во всей Фиоленсии кто-нибудь догнал, включая его любовь Аленку Воронцову? Его же к позорному столбу пригвоздили, а мы сопели в тряпочку, от стыда обтекали да гадали – и как наш друг на такое сподобился? Ах, проклятая водка...

– Ладно вам лаяться, – бухнул Коля Селин. – Все хороши. Слушайте, надо бы сообщить об этом людям. А то несправедливо получается. Менты на Максима охотятся, все такое – а он, в натуре, не при делах...

– Коляша, голову включи, – поморщился Фаткин.

– Да уж, теперь плохая новость, – крикнул Ильич. – Григорий верно мыслит. Шибко не пошумишь. Люди, может, и поверят, но власти точно не одобряют. Те, кто это затеял одиннадцать лет назад, являются нынешней районной властью. Они, понятно, в курсе, что Максим не убивал, поскольку сами это сделали. С передела гостиничной собственности начался их взлет – в то время они еще не были такими могучими. Любой намек, что нам что-то известно, – и все присутствующие бесследно исчезают, либо их будут поочередно находить погибшими в результате несчастного случая. Я знаю, на что способны эти люди, – досыта объелся этой похлебкой. Даже при самом удачном раскладе – мы сообщаем все известные факты в Следственный комитет, федералы берут под охрану Лазаренко, начинается пересмотр дела... И что? Только слова Лазаренко, никаких улик не осталось, все зарыто, исполнители мертвы. И снова все присутствующие гибнут в результате несчастного случая... И еще. – Ильич смущенно кашлянул. – Прости, Максим, прозвучит для тебя неприятно, но прошла туча лет, выросло новое поколение, которое даже не знает о том резонансном деле. Большинству людей все равно, никто не пойдет против Молоха, который их всех раздавит. Людям интересна лишь их соб-

ственная жизнь. Им нужно выживать, кормить семьи. Ты даже не в курсе, какая шпана здесь всем заправляет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.